

Ермолаева Н. В.

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ (Встреча XX века по материалам газет)

– Я трезвенник, но сегодня я должен выпить
ради великого для меня события!
– Вы про Новый год?
– Что Новый год! Его встречают каждый
год; новый век приближается, а его можно встре-
тить только один раз в жизни!
(«Петербургский листок», 31 дек. 1900 г.)

Близится к завершению век двадцатый. Три года отделяют нас от того момен-
та, когда мы сможем поздравить друг друга с наступлением нового века.

Встреча нового века – это событие, которое может выпасть не каждому поко-
лению. Новый год, новый век. Нужен ли этот условный рубеж? Нужно ли установ-
ление этой перегородки? Разве новый год и новый век не являются продолжением
прежней жизни?

Однако осознание этой границы заставляет людей оглянуться назад, подумать
о настоящем и попытаться заглянуть в будущее, чтобы не повторять прежних оши-
бок.

Живущему поколению выпала доля вступить в первый век III тысячелетия. И
приближаясь к этому рубежу, давайте оглянемся назад.

Со времен Петра I Россия отмечает наступление нового года в ночь
с 31 декабря на 1 января. Это один из самых крупных праздников года. «Есть такие
дни, когда человек невольно становится немножко поэтом, немножко мечтателем.
К таким дням принадлежит Рождество, Пасха и Новый год», – отмечала «Петер-
бургская газета» 3 января 1901 года. Так как же встречали новый век петербуржцы
почти 100 лет назад?

Итак, откроем петербургские газеты столетней давности, чтобы приподнять
покров времени, отделяющий нас от тех дней¹.

В первые дни нового столетия с газетных страниц звучали пожелания новому
году и новому веку. Вот какие надежды высказывает А. Плещеев в фельетоне «Но-
вый век – Новый год. (Встреча)» в «Петербургской газете» 1 января 1901 года:

Наступающему веку
Мой поклон и мой привет!
Что сулишь ты человеку,
Мракобесье или свет?

Счастье, истину святую,
Правду, мир несешь с собой?
Или снова жизнь больную
И отнявшую покой?

¹ По возможности, сохраняется орфография подлинника.

Век прошедший – неврастеник
Биржевик был и игрок.
Ради выгод из-за денег
Бурам храбрым не помог!

Пусть же будет век грядущий
И сердечней и добрей...
И поддержит неимущих
И слабейших из людей!

Чтоб житейским непогодам
Поскорей конец настал,
С Новым годом, с Новым годом,
Поднимаю я бокал.

Встреча нового года, пожалуй, всегда становится главной темой дня непосредственно перед праздником и сразу после него. Новогодние торжества накладывают отпечаток и на многие стороны городской жизни. Рестораны и залы наперебой заывают публику принять участие во встрече нового года. Газетные листы пестреют рекламными объявлениями:

«Зал Крыловой. Бассейная. 4. Едем встречать Новый год! Хороший ужин – 75 к. Осетр империяль, соус – Английский клуб, фазаны и французские пулярды, салат, парфе ананасное с ликером. Оркестровая музыка. Соединенный хор исполнит “Жизнь за Царя”. Елка, сюрприз дамам».

«“Казино-электрик”. Дирекция М. Е. Картавой. У Строганова моста. 31 декабря торжественная встреча Нового года. “Привет новый век!” Большой цыганский концерт-монстр лучшего хора цыган Н. И. Шишкина. Ровно в 12 ч. соединенными хорами с участием хора цыган исполнено будет Славься, Славься! Полная новая электрическая иллюминация, усиленное электрическое освещение всего зала. Начало музыки в 8 ч. вечера. Кухня под управлением известного повара».

«Петербургский листок» 31 декабря 1900 года отмечает, что многие петербуржцы собираются встречать новый век за городом:

«В “Крестовском” и “Аквариуме” на столики записываются, как на бенефисы Савиной и Варламова... В “Крестовском”, благодаря дальности расстояния, собирается публика более “дорогая” и шикарная, а потому и новогодняя встреча носит более торжественный характер».

И вот, наконец-то, под звон бокалов, XX век вступает в свои права.

Своеобразный отчет о встрече XX века жителями столицы предоставляет на страницах «Петербургской газеты» (3 января 1901 г.) автор фельетона «Встреча нового года», выступающий под псевдонимом «Пикколо»:

«Несмотря на “безденежье”, на которое все жалуются, встреча Нового года прошла с редким оживлением... Все загородные и большие городские рестораны были буквально переполнены... Переполнение загородных ресторанов объясняется на этот раз еще и тем, что теперь нет сгоревших “Аркадии” и “Озерков”. Между тем в “Аркадии” для встречи Нового года собиралось обыкновенно до 2.000 человек, в “Озерки” тоже приезжало человек 500. Этим и объясняется то, что существующие уголки были буквально переполнены».

Еще накануне на “Крестовском” были разобраны “по заказу” все столы. В половине первого сюда уже никого не пускали, и “привратники” справлялись, принадлежат ли “гости” к числу счастливых, запасшихся заблаговременно “столами”. Массы подъезжавших оказывались вынужденными искать не столько для своего “оскорбленного чувства”, сколько для жаждавшего яств и напитков “нутра” другого “уголка”!..

Тройки накануне запрашивали за загородную поездку “четвертную”, но в день “встречи” хорошую тройку можно было получить за 15 руб., хотя увы! наши нынешние “хорошие тройки” мало чем отличаются от печальной памяти бывших “щапинских росинантов”.

Хоры в ресторанах работали, конечно, на славу, причем слушателям предлагалось “посеребрить” участвующих в них жриц веселья, опустив “на счастье” – для вящей верности “за корсаж” – каковую-нибудь монету...

Вследствие невиданного наплыва публики, “заказанного” приходилось, конечно, ожидать чуть не по часу, и прислуга всюду буквально сбилась с ног. “Кухню совсем затерло”, объясняли местные “распорядители”. В городе многие “открыватели” стремились попасть к вернувшемуся только что из Парижа, хорошо знакомому петербуржцам “французу”, вновь открывшему свой ресторан.

«Петербургский листок» от 5 января 1901 г. свидетельствует, что этим рестораном был «Контан»:

«Из всех городских ресторанных “встреч” самая блестящая, привлекающая избранное аристократическое общество, происходила в только что в эту ночь вновь открывшемся ресторане Контана. Чудный, роскошный, совершенно заново отделанный зал ресторана, положительно утопающий в массе тропических растений, приветливо блистал сотнями электрических лампочек и люстр. Оркестр “niveau siècle”² в красных фраках и живые цветы на всех столах удачно дополняли общую красивую картину.

Популярный “рара” Контан, после краха своих неумелых преемников вновь возвратившийся к своему “детищу”, перелетал от одного столика к другому более сияющий, чем все лампочки и люстры, вместе взятые.

В своей родной “обители”
Надеется Контан,
Что будут посетители
Платить ему... “comptant”³.

Официанты в ресторанах и увеселительных “эдемах” собрали под Новый год весьма обильную жатву, обходя всех посетителей с тарелочками и поздравительными визитными карточками. Желаящим, кроме такой карточки, предлагался также бокал отчаянного донского шампанского, которое многие, однако, предусмотрительно оставляли у себя на столе:

– Кто-нибудь из знакомых подойдет поздравить и выпьет... Рядом с бутылкой “настоящего” и этот бокал сойдет за такое же!»

Встреча нового года имеет свои обычаи и традиции, которые складывались веками. Одни из них актуальны и по сей день, другие, ушедшие из жизни, живы в людской памяти и литературе.

В XIX веке Россия жила по старому стилю, не было несоответствия между церковным и светским календарями, поэтому встреча Нового года следовала за Рождеством и выпадала на рождественские праздники – святки. Но газеты свидетельствовали, что к началу XX века традиции, ранее тесно связанные с этим веселым временем, слабели.

«Обычай выржаться на святках с каждым годом заметно все более и более исчезает в Петербурге, и в костюмах не замечается уже той богатой фантазии, ка-

² Новый век (франц.).

³ наличными (франц.).

кая царила в былое время, – пишет “Петербургский листок” 31 декабря 1900 года. – Ряженые, в большинстве, утомительно однообразны и не блещут оригинальностью. Среди них попадаются традиционные турок и турчанка в чалмах, солдаты, матросы да, как отголосок современной политической жизни, китайцы, буры и англичане. Перекочевывая из одного знакомого дома в другой, они мало вносят с собой веселья и несколько оживляются только разве во время танцев... Ничего нет удивительного, что некоторые любители старины, желая поддержать падающий обычай, прибегают иногда к всевозможным кунштюкам. Так, нам рассказывают, в Новой Деревне на вечер с ряжеными в квартире г. П-ова одним из шутников были нарочно приведены два извозчика. Оба они, с кнутами в руках и распространяя запах дегтя, преспокойно расхаживали среди гостей и были приняты последними за ряженных. Само собой разумеется, они были очень естественны, и гости долго не догадывались, кто так оригинально мог вырядиться. Однако, после изрядной выпивки, обоих “ряженных” с большим трудом выпроводили на улицу».

Днем позже, уже в новом году, «Петербургская газета» поддерживает это свідетельство: «Обычай русских святок, с толпами ряженных, перекочевывающих из дома в дом, еще сохранившиеся в Москве, совершенно исчезли в Петербурге и лишь изредка наблюдаются на его окраинах, в Гавани, на Петербургской стороне и на обеих Охтах. Там табачные лавочки еще бойко торгуют разными уродливыми масками, изображающими птиц, зверей и карикатурные человеческие лица. В этих масках обитатели этих благословенных окраин ходят друг к другу на огонек, и безыскусное веселье царит там в святочные дни».

По сообщению той же газеты, веселье в центре города носит более «злачный» характер: бывшие маскарады утратили свое значение и посещаются только дамами, «желающими показать “товар лицом”, а потому заменяющими черные полумаски прозрачным тюлем...».

Непременным атрибутом рождественских праздников и Нового года, главным украшением домов в эти дни становится елка. Интересную статистику можно найти в «Петербургском листке» от 30 декабря 1900 года:

«Знаете ли вы, во что обойдется Петербургу этот детский праздник? В Петербурге имеется в настоящее время 32.000 домов, из которых каждый вмещает в среднем по 8 жилых квартир. Всего, значит, у нас насчитывается около 256.000 квартир. Если взять во внимание, что только в одной десятой части их устраивается елка, то получается внушительная цифра в 25.000 еловых деревьев, ежегодно расходуемых петербуржцами на святках. Если бы все эти елочки, по миновании надобности собрать воедино, мы получили бы изрядный еловый лес, пространством в 8 десятин.

На убранство елки обыкновенно расходуется сумма, сообразная с достатком обывателя, от одного и до нескольких сот руб. За среднюю величину в этом случае можно с вероятностью принять 5 – 6 руб. и таким образом, Петербург тратит на устройство елки всего около 150.000 руб. Зато, значительно большие расходы несет столичный обыватель, принужденный одновременно с елкой для детей устраивать вечеринки и для взрослых. Тут уже затрата денег вдвое и втрое превышает расходы по детскому празднику».

Приход нового года сопровождается звоном бокалов. Одной из новогодних традиций у нас является шампанское, которое присутствует, наверное, на каждом праздничном столе, и эта традиция сохраняется у нас с давних пор. В первые дни XX века столичные виноторговцы подсчитали свои барыши и сочли их недостаточными:

«В каждой, даже сравнительно бедной петербургской семье в полночь 31 декабря появляется на столе засмоленная бутылка шампанского, – отмечал 3 января 1901 года фельетонист “Петербургской газеты”. – Обычай встречать новый год и желать нового счастья своим близким непременно с бокалом искристой влаги, как бы преобразующей веселую игру жизни, не изменяется... По подсчету столичных виноторговцев 31 декабря 1900 г. выпито было более 35.000 бутылок шампанского, причем на долю шампанского русского производства пришлось всего около 10.000 бутылок.

По наблюдению петербургских старейших виноторговцев, 31 декабря минувшего года шампанского сравнительно с прошлыми годами выпито менее. Не отразилось ли и на традиционной встрече нового года и нового века общее стеснение денежного рынка?»

Новогодней традицией XIX века, вызывавшей много недовольства и до наших дней не сохранившейся, был обычай праздничных визитов. В стихотворном фельетоне «Петербургского листка» (4 янв. 1901 г.). Они оценивались как «низкопоклонства пережиток и раболепства темный след». Вот что рассказывает об этом обычае некто Леонид Спартанский в той же газете днем раньше: «Первый день Нового года и столетия прошел в необыкновенной сутолоке. Как ни стараются упразднить обычай визитов, из этого, к радости швейцаров и курьеров, ничего не выходит. Визиты совершаются, и швейцары с курьерами собирают деньги, иногда превышающие их годовое жалование. Один старожил петербуржец говорил мне вчера с грустью, что в день Нового года Петербург делается городом республиканским: он обращается в Швейцарию (от слова швейцар). Необходимо расписаться у высокопоставленного сановника. У двери вас встречает один швейцар, у книги, где расписываются – второй швейцар и шеренга собственных его превосходительства курьеров.

– Точно сквозь строй гонят, – жаловался мне один крупный чиновник.

Один из владельцев большой фабрики, который поставляет свои произведения в разные казенные ведомства, передавал мне, что в Новый год он роздал несколько сот руб. разным писцам, курьерам и швейцарам.

– А попробуйте не дать. Пользы вам все эти господа принести не в состоянии, но навредить могут, что называется, по первое число».

Другого рода визитами были визиты так называемых «праздничных поздравителей» с заднего крыльца (швейцаров, дворников, газетчиков, почтальонов, полотеров и т. п.). «Досужий статистик» в «Петербургской газете» от января 1901 года подсчитал, сколько петербуржцы заплатили «на чай» подобным визитерам в день нового года: «По последней переписи 1890 г., в Петербурге было жителей 1 332 677 без пригородов. По последней переписи 1900 г., как слышно, это число сильно увеличилось. Если плательщиков “на чай” считать лишь треть всего населения, что не будет преувеличено, т. е. 600 тыс. человек и среднюю трату “на чай” – 3 рубля, что тоже более чем правдоподобно, то получается внушительная цифра 1 800 000 рублей».

XX веку удалось искоренить этот обычай; есть и у нас то, что хотелось бы оставить в уходящем веке.

Невозможно отделить один день от другого, век прошедший от века нынешнего – новогодний праздник неразрывно связывает год наступающий и год уходящий. И мы не представляем себе сейчас встречу Нового года без традиционной елочки, бокала шампанского и пожелания всем нового счастья в новом году, а

строки немудреного сентиментального стихотворения Н. П. Кулакова из газеты начала XX века кажутся нам близкими и милыми:

День последний года,
День последний века,
Как другие, в вечность
Улетит и он
В полночь с небосвода...
Дума человека
Мчится в бесконечность
Будущих времен.

Что прошло – далеко,
Не вернется снова,
Но его, порою,
В этот день нам жаль.
Залегла глубоко
Прошлого основа,
Властвуя душою,
Что стремится в даль...